

нию к анипостатам птохос выступает в своем первоначальном значении, означая нищих, бедных. Данный практик, таким образом, интересный пример многообразия и неопределенности средневековой терминологии. Что же касается энипостатов, то это «обычные» парики, которые имели жилище, стаь в зависимой деревне и платили телос. Нередки также сведения о париках, переселившихся в другие места, в частности в Фессалоники, однако подлежащих обложению в данной общине³¹.

Все сказанное означает, что практики Лавры содержат богатые сведения о сложной структуре форм зависимого землепользования и налогообложения.

Нетипичное употребление термина πτοχός, обозначающего отнюдь не только нищих и даже не бедных, а, напротив, весьма зажиточных крестьян, владеющих значительными земельными держаниями от 60 до 200 модиев³², употребление термина «элевтер» в его редком значении «жителей зависимой деревни, платящих подати», — это только два наиболее типичных факта, отражающих сложность обстановки. К этому можно добавить еще следующее. В этот период употребляется термин ἄνδροπος, также служащий для обозначения разнородных крестьянских масс, населяющих вотчину.

Итак, все сказанное означает, что в изучаемый период термин «парик» уже не является столь универсальным, как в прошлом, — наряду с ним для обозначения зависимого сословия употребляются другие термины. Термин «парик» обозначает иногда лишь одну из категорий зависимых, отличную по ряду признаков от других зависимых подданных. Нетипичное употребление термина «элевтер», о котором говорится выше, свидетельствует, очевидно, о том, что в этот период, характеризующийся постоянно возрастающей нестабильностью социально-экономических отношений как в городе, так и в деревне, увеличилась миграция населения. Безземелье значительного слоя крестьян в деревне могло приводить и, очевидно, приводило к их переселению. Последнее, однако, не освобождало крестьян от податной ответственности. Данные практиков Лавры позволяют несколько уточнить представления о принципах податной ответственности. Основой обложения было наличие дома в общине. Могло не быть земли, мог отсутствовать скот и виноградник, мог отсутствовать сам владелец, переселившийся в другое место, но наличие дома являлось основой уплаты капника и прикрепления к тяглу.

Крестьянин мог (очевидно, временно) переселиться в другое место, но дом его оставался в деревне, дом никуда не мог исчезнуть, если он не был разрушен в силу каких-либо причин. Наличие дома — основа обложения. Не имеющие имущества, но имеющие дом иногда платили такую же по величине подать, как и имеющие некоторое имущество. В этом случае облагались, по-видимому, те доходы от ремесла, аренды земли, работы по найму и т. д., которыми данные крестьяне располагали. Но наряду с теми, кто имел дом в деревне и временно покинул его, переселяясь в город и продолжая платить подати, были и горожане, которые разорялись и переселялись в деревню. В этот период, как отмечается в ряде исследований, происходит упадок городов, разорение среднего слоя горожан. Именно эти разорившиеся горожане, возможно, становились элевтерами, поселявшимися на территории владений крупных собственников.

Другим источником элевтеров — зависимых держателей — были свободные крестьяне, демосиарии, по терминологии XII в. Слой этих мелких собственников, очевидно, продолжал оставаться значительным и в XIV в. Но нестабильность экономического положения, характерная для империи этого периода, способствовала их разорению. Эти крестьяне нередко продавали свои земли крупным монастырям. Акты Лавры свидетельствуют, что продажа совершалась владельцами крестьянского типа. Продаются

³¹ Lavra, II, p. 237, N 109.270.

³² Ibid., N 73.